
Арслан ХАСАВОВ

РАССКАЗЫ

Джинны

Он создал человека из сухой (или звенящей) глины, подобной гончарной, и создал джиннов из чистого пламени.

Коран. 55:14 / 15¹

1

На бордюре, возле недостроенной мечети сидела одетая в лохмотья старуха. Лицо ее, в широких рытвинах морщин, выражало раздраженное недовольство.

Люди проходили мимо нее, не обращая внимания, так незначительна была ее ветхая фигурка. Когда она начинала еле слышно причитать, обнажая розовые десны, кто-нибудь останавливался, чтобы облегчить карманы от навязчивой мелочи: металлические рубль, два, пятаки и переливающиеся золотом новенькие десятки летели в ее вытянутую руку.

Никто не интересовался, кто она, как здесь оказалась, не выясняли, есть ли у нее родственники — просто шли мимо в сторону парковки, а если вдруг кто и останавливался, то только чтобы, кинув монету, отмахнуться и с чувством выполненного долга забыть о ней, сделав два шага прочь.

Так поступил и я.

— Вы приехали из Москвы — такие все крутые, богатые! — зашелестела за спиной по-чеченски. — Неужели вы не можете дать мне больше?!

— Пойдем-пойдем, не обращай внимания, — подгонял меня Аскер, дружелюбно хлопая по спине. — Заира приготовила нам покушать, тебе надо отдохнуть с дороги.

Я все-таки оглянулся. Обшитое плитками здание аэропорта Грозный, портреты лидеров на стенах, какие-то пафосные фразы, выложенные подсвечиваемыми зелеными буквами вроде «Только истина победит терроризм». Низкорослые, непропорциональные статуи измазанных позолотой львов с открытыми пастьями, охраняющие входы. Слева, за забором, недостроенная мечеть — деревянный купол, которой еще предстоит украсить.

Я бросил взгляд на сидевшую у забора бабушку — яркий солнечный луч, отразившись от тонированных стекол аэропорта, уткнулся ей прямо в лицо. Она сощурилась, улыбаясь беззубым ртом. На мгновение черты ее лица показались смазанными, рот вытянулся, нарезиненная челюсть отвисла почти до асфальта, нечистые, темные пенистые слюни потекли из ее углов, глаза вдруг широко открылись и будто двинулись на меня — абсолютно черные, без белков.

Арслан Дагирович Хасавов родился в 1988 году в Ашхабаде. Учился в МГУ, в Литературном институте имени Горького. Публиковался в журналах «Юность», «Новая юность», «Вайнах» и др. Дважды финалист литературной премии «Дебют», шорт-листер премии имени В. П. Астафьева. Участник Всероссийского форума молодых литераторов в Липках, Лондонской книжной ярмарки, Международного книжного фестиваля в Эдинбурге; популярный блогер, кolumnист.

— Вы из Москвы. Неужели вы не можете дать больше... — смазанно зазвучало оттуда, и невидимое облако смрада окутало меня.

Затем, будто в голове, ритмичные удары по вискам: «Вы разрушили наш город. Вы разрушили наш город. Вы разрушили наш город», — а потом переходящее в отчаянный крик-воплъ: «Вы разрушили мою жизнь!»

Мы дошли до такси и погрузили вещи в тесный из-за газбаллона багажник.

Не успел я сесть на заднее сиденье и закрыть за собой дверь, как темные мускулистые тучи заволокли небо и тут же разлились энергичным дождем.

— Ба! — сказал таксист с веселой улыбкой, повернувшись ко мне. — Надо же! Дождь в середине июля! Это ты привез, москвич! Езжай назад.

Они с Аскером расхохотались.

2

Мне постелили в гостиной. Света уже несколько дней как не было, и поэтому ночью передвигались со свечками.

Я разделся, аккуратно разложив вещи на дальнем кресле, и, затушив свою свечу, лег, заложив руки под голову на раскладной диван.

«Так, завтра нужно встать пораньше, купить в киоске местные газеты, вникнуть в общую ситуацию, найти квартиру, которую можно было бы снять, и какую-нибудь работу, чтобы ее оплачивать... — и спустя паузу, уже почти засыпая: — Жизнь — интересная штука: вот он я здесь, лежу на диване в центре Грозного, мало кто знает обо мне, но не исключено, что я самый важный здесь сегодня, в исторической перспективе, что то, зачем я приехал, что я собираюсь сделать тут, на земле предков, будет иметь колоссальные последствия для развития республики... а может, и всего региона...»

Деревянная дверь справа от меня тихонько отворилась, и в комнату вошла Луиза, мягким светом свечи освещая себе дорогу.

— Ты не спишь? — она смотрит на меня.

— Нет пока, заходи, Луиз.

Я приподнимаюсь, чтобы не смущать ее.

— Ну, рассказывай, как там, — говорит она с улыбкой.

Видно, что она соскучилась.

— Иди сюда...

Я притягиваю ее к себе и крепко сжимаю в объятиях.

— Лучше ты рассказывай. Я слышал, вы разошлись с Мурадом... — говорю я, как бы не требуя пояснений.

Я нежно глажу ее темные волосы от затылка и спускаюсь вниз, к спине. Дохожу до определенной черты и снова возвращаю руку к затылку.

Истощенная семейными проблемами, она прижимается к моему плечу. Я отчетливо чувствую ее горячее дыхание, вижу ее чуть подрагивающую тень на стене и свою руку там же — шевелящийся темный комочек то замирающий, то снова скользящий туда-сюда.

— Жалко, нет папы, — вдруг начинает она, оторвавшись от моего плеча, и несколько слезинок разом падают на тонкую простыню, которой я прикрываюсь, — он мне сейчас так нужен.

— Да, Шахби-ваша²... Когда он лечился в Москве, он спал со мной в одной комнате... Помнишь, у меня выдвигается гостевая кровать?!

Ее тень еле заметно кивает.

— Так вот, мы ложились и разговаривали. Спорили часами — почти до рассве-

та. Он был набожным человеком, говорил, что я многого не понимаю, что это придет со временем. Рассказывал, как вечерами читал Коран вместе со своим другом... Не помню только, как его звали..

— Наби, — сдавленным голосом подсказывает Луиза и резко, как рыба, хватая воздух, чтобы снова погрузиться в воды своей молчаливой тревоги.

— Да-да, Наби, кажется. Я тогда вообще ни во что не верил... Или хотел так думать. В общем, я провоцировал его на подобные разговоры, и он поддавался — многое рассказал мне из своей жизни, о знаменьях каких-то, подтолкнувших его...

Я вроде бы сжимаю ее хрупкое тельце в своих руках и даже периодически глажу по волосам, но ее уже нет со мной рядом. Да и меня здесь тоже нет.

Я у себя — в Москве, в обклеенной зелеными обоями комнате, точно так же, без света лежу на своей кровати, а рядом, справа от меня, на небольшом расстоянии, на гостевой лежит Шахби-ваша и ведет свой скупой рассказ:

«После того майского теракта на стадионе, машину Ахмат-Хаджи забрали и продали куда-то в Тюмень. Точнее, отдали кому-то... а он уже продал... Да-да, джип “мерседес”, как его, черный... Гм, Гилендвагон, что ли... обрубленный такой... и мы втроем поехали за ней... Нас направили специально. Забрали мы ее, а на обратном пути... Там — по дороге заснеженные пустыри, степи, колотун минус сорок. Эти двое пили по дороге... Водкой заправлялись. А мне нельзя это, я уже молился тогда, старался и другие предписания исполнять по возможности. Там что-то еще с машиной было, печка почему-то не работала... внутри находиться невозможно — сам знаешь, что с кожей в такой мороз бывает, стянулась вся... хорошо, хоть не лопнула. Но что делать — нам нужно было ехать. Там я простудился сначала, а потом пошло-поехало, эти опухоли... одно за другое зацепилось...»

Он уже тогда понимал то, что было непонятно мне, старшекласснику. Голова его, когда приходил к нам на выходные из госпиталя, трещала, зрение постоянно ухудшалось. Как оказалось, болезнь его достигла своего максимума, предельной черты, за которой лишь тонкий шлейф из года, максимум двух постепенного угасания. С тем он и уехал домой — каждый день чувствовать, что жизнь уходит из его рук, мысленно прощаться с родными, ценить каждый день, каждый час, каждую секунду времени, которого раньше можно было не замечать. Подумаешь...

— Это его комната, — говорит Луиза, оглядывая едва подсвеченные стены, — Здесь он спал, а мама ухаживала за ним. Мы так его любили, — мечтательно, уверен, представляя его перед собой, живого, стройного, доброго, красивого, — с Лариской могли прыгнуть к нему на колени. Сами уже тетушки, свои семьи, дети, а он с нами тоже, как с маленькими, все время...

Одна картинка сменяется другой.

— Когда боевики отбили город и мы выехали в сторону Брагунов... У нас ведь прямое попадание было в дом, авиаснаряд... — незначительное уточнение. — Они же убивали всех, кто был в структурах, они его не узнали просто: он кепку надвинул так на глаза и щетина еще была... И они такие: «Езжай, езжай», выпустили нас из города.

Тут же еще французскую журналистку убили, прямо тут, перед нашими воротами (я с тревогой вглядываюсь в темноту за окном, до ворот метров шесть-десять), а там, чуть дальше — на дороге, возле «Садового кольца» БТР взорвали с русскими...

— А ты? Где была ты? — кажется, я взволнован, почему меня не было рядом, чтобы спасти ее от всех этих ужасов, оторванных рук и ног, свиста пуль и разрывов снарядов. Почему я был слишком мал для этого, чтобы закрыть собой ее, ее мать Муслимат, брата Ислама, в кепке и со щетиной Шахби-вашу, почему я не мог лечь на всех на них, на эту семью, столицу опального государства, на империю, гло-

бус почему не смог скрыть под своим телом, чтобы снаряд этой войны взорвался, разорвав меня в клочья, разворотив кишки, уничтожив в секунду, но не трогала всех их — тех, кого я знаю и кого не знаю, — наших «львов Аллаха», как их называют соратники, лучших из чеченцев — молодых и сильных, русских солдат, в холоде, голоде и страхе погибавших здесь неизвестно за что, волков и псов, разлагающихся в горах и на равнинах.

— Когда стали падать снаряды, я забежала в туалет, — говорит она и, вглядываясь в мое лицо, ждет реакции.

— В туалет?! — уточняю я недоуменно.

— Да, — кажется, она грустно улыбается, — закрылась там на щеколду, как дура, и давай реветь. А здесь и там взрывы, выстрелили какие-то, крики... Я плакала и думала, что все, я умру здесь — в этом туалете — пусть попадет один снаряд, и все...

Я чувствую, что она уже давно пережила это внутри себя, оставила позади, но нет-нет, тело ее отдавало мелкой дрожью. Я снова глажу ее по спине:

— Успокойся, сестренка, все хорошо. Я здесь, все нормально. Все давно уже позади...

— Как хорошо, что ты приехал...

3

«Грозный — центр мира» — гласит рекламный макет в виде глобуса. Это не так. В мировых столицах есть чем занять себя. Здесь — нечем. Созданы все условия, чтобы ты ходил на работу и возвращался домой. Ну, может, пообедал в кафе, может, в кино сходил вечерком. И все.

Я сижу в летнем кафе на проспекте Путина и листаю газету объявлений.

Сначала смотрю раздел «Вакансии», в подразделе «Образование» — пусто. Смотрю подраздел «Офис» — всем нужны секретарши не старше тридцати.

Ладно, решу сначала с квартирой. Объявление — квартира на проспекте Путина, с еврорементом. Договорились на вечер.

На скамейке, возле шлагбаума, перегораживающего въезд во двор, сидит крепко сбитый мужчина с выразительным носом.

— Ассаламу алейкум! — говорит он, приветствуя нашу делегацию.

Я замечаю пистолет в кобуре, висящей на ремне.

— Ва алейкум салам! — отвечаем мы и поочередно пожимаем протянутую руку.

— Так, у меня вопрос сразу: ты чеченец? — спрашивает он.

— Нет, я кумык, родом из села Брагуны, здесь, рядом с Гудермесским районом.

Он даже не пытается скрыть своего недовольства.

— А кто будет жить? — контрольный вопрос.

— Я буду жить! — отвечаю я с улыбкой, — И то может быть, если квартира понравится, мы ведь еще не посмотрели.

— Нет! — резко обрубают мои надежды на просмотр квартиры, — Извини, у меня принцип: сдаю только семейным.

— Почему?! Я похож на кого-то?

— Понимаешь, здесь рядом живет Р., если что случится, мне голову открутят, ты же понимаешь... И вообще, ты встал на учет в милиции?!

— Нет, не встал, а надо?

— Обязательно! Приехал в Чечню, встань на учет, здесь, в Ленинском РОВД. Таков указ.

— Но постоит, я ведь могу находиться в регионе, куда прибыл три месяца по билету.

— Это у вас там, в России! — выходит он из себя.
— А это разве не Россия? Р. же всегда говорит, что...
Разговор принимает серьезный оборот, и он его решительно прерывает:
— Это он так только говорит... — многозначительно.
— Все, понял.
Мы удаляемся.
— Извини... те... — слышу я вслед.
Я не оборачиваюсь. Вдруг поднимается сильный ветер. Он играет с песчинками, в щелях тротуарной плитки, кружит черный кусочек целлофана.
Не обращая внимания на светофоры, по проспекту на огромной скорости проносится немногочисленный кортеж из черных автомобилей.
Солнце печет нещадно. Я закрываю глаза.
— Къвас! Къвас! Холодный къвас! — кричит женщина у желтой бочки.
Слышится чей-то громкий смех.
— Да ладно! Так и сказала?!

4

— Расскажи про французскую журналистку... и про БТР, — говорю я, выходя из металлических ворот.

Ислам возится со своей «девянсто девятой»: моет мягкой губкой, черным хозяйственным мылом натирает бамбера, «чтобы оставались черными». Наконец он выходит за мной.

— А что рассказывать — ее убили прямо здесь — вон, в метрах десяти-пятнадцати, видишь?!

Я вижу заполненные доверху ржавые мусорные баки, в которых возится светлая дворняга.

— Вижу.

— Вот там она упала примерно — не помню уже, снайпер, что ли, снял или случайно зацепило. Зато про БТР хорошо помню, я видел, как его подрывали.

Худосочный, на голову выше меня ростом, коротко стриженный, он задумчиво скрещивает руки на груди. Карие глаза его, наполняясь впечатлениями прошлого, немного мутнеют, приближаются к черному.

— Ну вот, прямо на той дороге, почти у бордюра — смотрю, русские возятся... Что-то там химичат непонятное — кто сидит на корточках, кто рядом стоит просто, что-то подсказывает... Мне неслышно было отсюда.

— И? — обозначаю я свою заинтересованность.

— И ничего, эти сели в машину и отъехали. Приехал БТР — и хоп, на это место наезжает — и все. Взрыв.

— Как взрыв?! Там же русские были до этого.

— Ну да. Я не знаю, зачем это и как, я тебе говорю просто, что я видел. Сначала русские там возились, потом уехали, и буквально через пару минут подъехал БТР и взорвался, — обычно немногословный, замкнутый, Ислам охотно делится своими воспоминаниями.

— И как это было? Взлетел он на воздух? Кричал кто-нибудь?!

— Да... «Ваня! Ваня!» — кричали, а еще: «Мама! Мамочка!» Там руки, ноги — каша полная была. Кто-то шевелился еще, когда эти, первые, вернулись. Подъехали, что-то по рации стали передавать...

Наверное, это не важно. Кто там был. Зачем. И как. Наверное, это не важно. Ведь если мы клянемся, что верим во что-то большее, мы не имеем права их оплакивать...

...Ночью я не могу заснуть. Луиза не пришла. Наверное, думает, что я и так устал за день безуспешных поисков.

Свет до сих пор не дали, и я лежу в абсолютной темноте, думая о тех ребятах с БТРа. Потом переключаюсь на французскую журналистку. Надо же, вот так вот погибнуть — на чужой земле. Затем я думаю об ополченцах. Сейчас уже не найти следов войны. Я пытаюсь представить себе эти скелеты домов и обгорелые трупы деревьев, ставших свидетелями недавних ужасов. Я вижу наших ребят — с легкой небритостью на щеках, выскакивающих из каждого угла, отстреливающихся из разрушенных домов, с криком «Аллаху акбар!» входящих в рай³.

Я думаю о Даше, которая где-то далеко, за две тысячи километров, наверняка так же лежит на своей одинокой кровати, сучая по мне и ожидая моего возвращения...

Я слышу вой собак. Сначала где-то поблизости, потом вдалеке и снова поблизости. Вой постепенно переходит в рык, смешивающийся с отчаянным лаем.

— Гав-гав-гав, — агрессивно лает кто-то в абсолютной темноте.

— Вааа-вуууу, — отвечает еще кто-то.

Я вспоминаю, что животные могут наблюдать за недоступным человеческому взору...

Кто-то ударяет в ворота дома — я отчетливо слышу этот удар и вибрацию металла вслед за ним.

Я вжимаюсь в кровать и произношу слова аль-фатихи⁴: «Бисмилляхи-р-Рахмани-р-Рахим/ Альхамдулилляхи раббилль ‘алямин / Ар-Рахмани-р-рахим / Малики яумиддин / Иййака на’буду ва иййака наста’ин / Ихдина ссыраталь мустак’ым / Сыратал лязийна ан’амта аляйхим, гайриль магдуби алейхим ва лядолин. Амин»⁵.

Я повторяю ее снова и снова. Я слышу возню уже во дворе: кто-то задел металлический тазик, потом уверенно черпнул воду из застоявшейся лужи. И снова этот вой, и рык, и лай постепенно удаляющийся. А потом вдруг громкий хлопок: и визг, и топот копыт, будто по брусчатке Красной площади. Цок-цок-цок-цок — мерно заударялись подковы.

5

Я уже почти справился с текстом расписки, когда она сказала:

— Все бы хорошо — лишь бы только вы не оказались боевиком. И бросив короткий взгляд на застекленный балкон, глядящий прямо на проспект Путина, а затем на широкое, почти до пола зарешеченное окно, выходящее на «Сердце Чечни» — духовную опору установившегося режима, добавила:

— Здесь обзор такой, сами понимаете — все что угодно можно сделать... — и она многозначительно посмотрела на меня поверх очков.

— А что, разве я похож?! — уточняю я.

— Не знаю, их ведь не отличить — так много стало. Недавно вот в семье подружки... — она осеклась, — вы вот по-русски чисто говорите... Когда звонили, я подумала: «Парень, наверное, на всех базах мира успел побывать».

— Вы мне льстите, — отшутился я и, поставив свою роспись внизу документа, добавил: — Ну вот, один экземпляр готов, сейчас второй напишу, и можно будет считать, что сделка состоялась.

— Хм, — она с любопытством посмотрела на исписанный сверху донизу плотный листок, вырванный из альбома для рисования. — Да вы лучше нотариуса оформляете.

— Что поделать, нужно все учесть, — не отрываясь от писанины. — Мне при-

ятель рассказывал, что здесь, бывает, отдаешь деньги за аренду на несколько месяцев вперед, живешь день-два, потом к тебе приходят... крепкие ребята и говорят: «Опа, а что это ты тут делаешь, в нашей квартире...»

Кажется, я ее смутил.

— Нет-нет, тут такое невозможно.

— Все невозможное возможно, знаю точноооо! — напеваю я вполголоса.

Когда все формальности были улажены и дверь за ней закрылась, я, подняв руки, стал танцевать лезгинку. Хоп-хоп-хоп. Покрутившись на месте, энергично попереставляя ноги, убедительно покричав «Ась!» с выпученными глазами, я наконец успокоился и с разбегу прыгнул в кровать.

Матрас был мягковат, но это было мелочью — наконец у меня есть отдельная квартира, где я смогу работать ночами напролет.

В спальне, так же как и в гостиной, большое, почти до пола окно, выходящее на мечеть. Я поерзал немного, передвинулся ближе к стене.

— Замечательный вид, Артурчик! — сказал сам себе и, резко вскочив, сымитировал несколько каратистских приемов, затем, упав на кулаки, сделал с десятка отжиманий, побоксировал в воздухе, глубоко вдохнул, резко выдохнул, глубоко вдохнул, резко выдохнул...

Одна из дверей громко захлопнулась, потрясая стеклами.

«Странно, здесь же нет сквозняка — все окна закрыты», — сказал я сам себе, осмотревшись.

6

— Там что-то есть, Ислам! — говорю я, едва мы отъезжаем от подъезда.

Он задумчив и не обращает на мои слова никакого внимания.

— Опять эти козлы мост перекрыли! — отмечает вскользь и сворачивает куда-то левее.

Я оборачиваюсь со словами:

— Луиз, правда — там что-то есть. Я уже два дня там — они не дают мне покоя...

— Я вижу, ты какой-то бледный, и эти круги под глазами...

— Кто не дает?! О чем ты вообще?! — наконец разобравшись с маршрутом, уточняет Ислам.

— Да черт его знает — духи какие-то наверное, — я охотно рассказываю, пытаюсь высвободиться от этого гадкого чувства, — в первую ночь, когда я лег — часа в четыре-пять утра такой взрыв вдруг оглушительный. С ума сойти просто. Я думал — теракт, вскочил резко, подбежал к окну — все тихо, нигде ничего не горит, нигде ничего не полыхает, танков в городе нет.

— Хм... танков, — еле слышно усмехается Ислам.

Я снова оборачиваюсь на Луизу — она глядит на меня с недоверием.

— Я правду говорю — я слышал этот взрыв — очень отчетливо...

Мы едем, светом фар разрезая густую тьму. Машин в этот час здесь немного — иногда может показаться, что мы и вовсе одни — коробочка «девяносто девятой» да эта грустная луна невдалеке. И зеленый стеклянный купол строящегося президентского дворца, окруженный классическими сторожевыми башнями из природного камня.

— Да тебе приснилось, — без особого энтузиазма решают они почти хором.

— Да?! — первоначальная уверенность закачалась на весах внутренних сомнений. — Потом я побежал на балкон — посмотреть, что делают «кадыровцы» на проспекте, они бы, наверное, сразу побежали в сторону взрыва, а они болтали там —

один сидел на стуле, другой стоял рядом и, придерживая автомат, что-то рассказывал...

— Да конечно, ерунда. А ты что думал?! Привидения?! Уаааааа! — кричит Ислам, резко повернувшись ко мне. — Здесь полно привидений! После войны ходят туда-сюда, что-то ищут. Даже мы с Луизой привидения, правда, Луиз?! — он подмигивает сестре в зеркало заднего вида.

С мягкой улыбкой она согласно кивает.

— Мы выходим по ночам, ищем таких сладких мальчиков, как ты... Чтобы утащить их в бездны подземелий... — продолжает он.

— Ладно, включи музыку, — обрываю я его. — Ты иногда бываешь таким занудой.

— Хорошо, только потом не говори, что ты не просил...

Оторвав одну руку от руля, он долго перебирает песни в магнитоле.

— Сейчас... где-то тут была...

— Да мы уже почти доехали, — говорю я, зевнув.

— Вот слушай! — чуть не кричит он торжествуя.

Из колонок звучат простые гитарные аккорды. Приятный мужской голос (даже больше: мужественный) поет что-то поверх музыки.

— Ой, что это?! — кричит вдруг Ислам и резко выворачивает руль влево, выезжая на пустую полосу встречного движения, и так же резко возвращает автомобиль (и нас вместе с ним) назад. — Кажется, джинн дороге перебежал... Ха-ха-ха! — заливается юношеским смехом.

Мы с Луизой настороженно переглядываемся, но поняв, что это всего лишь шутка, тоже смеемся...

«Погасли свечи, — разносится из колонок и дальше, в открытые окна, уносится в ночной Грозный, —

и ночь в окно твое войдет,
В тот лунный вечер ты знаешь, что *она* придет.
Промчались годы бездумья радости, и вот —
Погасли свечи, теперь пришел и твой черед.

Холодным взглядом глядит она в твои глаза,
Она здесь рядом, а ты лежишь и ждешь, дрожа.
Неслышным шагом она тихонько подойдет,
Ничто на свете тебя от смерти не спасет».

— Ну все, приехали, джинн, — говорит мне Ислам, толкая в бок, — открывай ворота.

— А, да, — откликаюсь я и медленно выхожу из машины.

— Я открою, — опережает меня Луиза. Бряцая ключами, она исчезает за калиткой...

7

Потом стало еще хуже. Я позвал двух друзей из села, как бы просто так — посмотреть город, остаться у меня.

Перед сном я теперь всякий раз листал карманное издание Корана, пытаюсь отыскать что-нибудь о джиннах: истории их появления, поведении, характерах. Если их здесь было много или всего один — неважно, я хотел выполнить их требо-

вания, уступить в чем-то, чтобы оставили они меня в покое, и я бы не посмел тревожить их огненные жизни...

Нечеловеческие, ни на что не похожие крики. Ветер, подгоняемый противным фальцетом.

— Уааааааааа! Ха-ха-ха, — весело-кровожадное.

Я осторожно оторвал голову от подушки и прислушался.

Кто-то продолжал шумно бесноваться под окном. Скрежет металла, топот копыт, леденящие повизгивания.

Быстро убрав раскрытый Коран со вздымавшейся волнами груди, я через гостиную побежал к балкону.

Арсен с Мовлетом крепко спали, раскинув свои конечности по полу.

Я выглянул из окна и опустил взгляд вниз — там, на тротуаре, быстро перемещались две тощие, размытые фигуры. Как я ни старался, я ни смог сфокусироваться ни на одной из них.

Силуэты гонялись друг за другом, играя.

— Уаааа! Аха-ха! — кричал один.

— Ха-ха! Бр... — отвечал другой игриво.

И быстрый топот копыт смешивался с этими голосами.

Вдруг один из них, самый активный, вырвал из земли тяжелый металлический фонарный столб и с силой стал крутить вокруг себя, стараясь нанести максимальный урон обстановке вокруг.

— Уааааха-ха! — кричал он счастливо и мощно ударил по стене дома.

— Ахаха! — поддерживал его другой, бегая вокруг своей оси. — Ахаха! — снова и снова.

— Эй вы! — крикнула женщина из окна этажом ниже. — Пошли вон!

— Вахаха, — зашелестел летний ветерок.

Один тут же скрылся во дворе дома, другой, бросив фонарь на газон, подбежал к вывеске магазина «Исламские товары» и, схватившись за правый верхний угол, резко его оторвал.

— Ухаха! — снова засмеялся он и затопал копытами.

8

— Знаешь здесь кладбище, которое как бы и не в Брагунах, но и не в Дарбанхах? — спросил я у Рашида.

— Не в Брагунах и не в Дарбанхах? — переспросил он, задумавшись.

— Да, не здесь, не там, а как бы между — на холме, возле камышей — в поле. Позади него покатым пустынный холм еще.

— Кажется, знаю, — сказал он и без лишних уточнений спросил: — Хочешь туда поехать?!

— Да. Там лежит мой брат, мы давно не виделись...

Рашид завел двигатель отцовской машины, в которой мы сидели, и осторожно тронулся.

— Только никому не говори, что мы туда ездили, — предупредил.

— Обижаешь!

Мы немного проехали по пыльным ухабам, проскочив здание сельсовета, телефонную вышку, небольшой акушерский пункт, затем выехали на разбитый асфальт.

Рашид включил Муцураева и поддал газу.

— Разве эти песни не запрещены?!

— Нет, давно уже, — все слушают.

Мы проезжали по живописнейшим местам. Справа — камыши, за которыми холмы Дарбанхов, второго кумыкского села в Чечне, слева широкая Сунжа, за которой раскинулся таинственный густой лес. По дороге то и дело встречались залежалые лепешки раздавленных местными лихачами тел ежей.

Я пойду туда, где не был никто.
Я пойду туда, но не с тобой.
Я пойму тогда, что это судьба,
Я уйду туда, уйду навсегда... —

вылетало из колонок.

Не доезжая до моста через реку, Рашид свернул вправо — на узкую дорожку в камышах.

— Там, на мосту, теперь дежурят, — пояснил вскользь.

Попетляв немного в камышах, поднявшись на холм и спустившись с холма, переехав железнодорожные пути, мы оказались у кладбища, одиноко стоявшего за простым забором из металлической сетки.

— Это?! — спросил он, заглушив двигатель.

— Наверное, — ответил я и вышел.

Зайдя на территорию кладбища, я огляделся.

— Вроде не то, — сказал сам себе, но все равно решил прогуляться.

Могильных плит было не так много — человек триста-четыреста лежало в этой земле.

1978 год, 1999, я прикидываю, сколько было лет мне, когда каждый из них умирал, чем я занимался тогда, был ли я тогда вообще.

А вот и «свежие» — июль 2010-го, — месяца еще не прошло.

— Меньше месяца назад была эта женщина «в обойме», спала, просыпалась, молилась, готовила кушать, справляла нужду... Была окружена людьми — детьми своими, внуками, наверное... И вот она здесь — в сырой земле, придавленная тяжелой плитой, украшенной арабской вязью. И ночью она здесь же — и в ветер, и в дождь, и в снег будет до конца миров. Бывает ли мертвым страшно?! Уверен, что бывает. И одиноко бывает наверняка — не видеть близких, в одиночестве проводить свои дни и ночи, неудивительно, если такой душе захочется подняться, пройтись знакомыми маршрутами, заглянуть в комнаты, где провел большую часть жизни...

А это что?! Пристройка, где обмывают тела, — ответил сам себе. И не оглядываясь — туда. Навес, под которым сложены простые деревянные скамейки, и тут же закрытая комната. Я заглядываю в окно. Там стол, еще что-то. Незаметная прежде, из-под навеса вдруг вылетает маленькая сова.

— Гуль-гуль-гуль, — говорит она, приветствуя меня и усаживается на одну из пыльных скамеек.

Из ее пушистой груди исходит яркий алый свет. Он почти ослепляет меня. Я вижу алое море — кровавой фон и ее, бело-желтую совушку, размером с кулак силача.

— Гуль-гуль-гуль, — повторяет она с другой интонацией.

Из-под навеса вылетают еще две совы, точь-в-точь как эта, присели на скамейку, вертя любопытными головами.

— Гуль-гуль-гуль, — не разобрать, кто о чем.

«Аузу билляхи мина-ш-шайтани-р-раджим»⁶, — шепчу я, упав спиной на холмик ближней могилы.

Надо мной — алое, окрашенное кровью небо, такова же и отдаленная возвышенность Дарбанхов, и травинки вокруг окрашены в красный.

— Гуль-гуль-гуль, — в попытке перекричать друг друга, — гуль-гуль, — еще более настойчиво. Они подлетают ко мне и начинают клевать: две в голову, другая в область сердца.

Кажется, я начинаю плакать и, пытаясь закрыть голову, сквозь плач этот начинаю шептать еле слышно.

«Ашхаду Аль-ля Илаха Иль-ла Ллах, уа Ашхаду анна Мухаммадан р-расулю Ллах⁷, — а потом своими словами: — О Аллах, не оставь меня. Ни разу в жизни не согнул я колен в молитве, прости меня. Вспоминал о Тебе лишь в минуты отчаяния. И алкоголь часто помогал мне складывать эти буквы. Но я любил Тебя, примерно там, где сейчас клюет эта маленькая совушка. Зачем клюет?! На то воля Аллаха. Я принимаю Твою волю. Пусть заключают меня здесь же — на холмике, составленном из свежей земли, под которой лежит еще не разложившееся тело. Приблизь меня к себе, я готов принять любую Твою волю...»

— Амин, я Аллах, — сказал Рашид и расхохотался.

Совушки резко взмыли и полетели прочь, шумно хлопая крыльями, скрылись в сорняках сразу за оградой.

— А, это ты... — сказал я, чтобы хоть что-нибудь сказать.

— Отец звонил, надо ехать...

Я встал и, отряхнувшись, пошел вслед за ним.

¹ Здесь и далее перевод смыслов Корана Э. Р. Кулиева.

² Ваша (кум.) — дядя.

³ Иншалла — если на то будет воля Аллаха.

⁴ «Аль-Фатиха» (араб. «Открывающая [книгу]») — первая и самая главная сура Корана (Религия: Энциклопедия / Сост. А. А. Грицанов. М., 2007).

⁵ Во имя Аллаха Милостивого, Милосердного!

Хвала Аллаху, Господу миров,

Милостивому, Милосердному,

Властелину Дня воздаяния!

Тебе одному мы поклоняемся и Тебя одного молим о помощи.

Веди нас прямым путем,

путем тех, кого Ты облагодетельствовал, не тех, на кого пал гнев, и не заблудших.

⁶ Я прибегаю к помощи Аллаха от проклятого шайтана (*пер. с араб.*).

⁷ Я свидетельствую, что нет никакого божества, кроме Аллаха, и что Мухаммад — пророк его (*пер. с араб.*).

Ассистент Стивена Сигала

Материально я был сильно ущемлен. Вышло так, что даже тот скромный семейный бюджет, оставшийся после спешного отъезда отца, вызванного возбужденным против него делом, был прочно заперт в мамином сейфе.

Единственными финансовыми бумагами, которые она считала необходимым мне доверять, были бесконечные счета, регулярно множившиеся на моей прикроватной тумбочке. И если сроки оплаты долгов за электричество, городской телефон и подземный паркинг, место в котором незадолго до случившегося мы имели неосторожность купить, могли потерпеть, то долги по квартплате недвусмысленно намекали на скорое начало судебного разбирательства.

С завидной регулярностью на мое имя стала поступать и почтовая корреспонденция — черно-белые снимки с радаров, установленных на крупных московских автомагистралях, с безразличием к моим жизненным обстоятельствам фиксировали нарушения скоростного режима и выписали вроде бы незначительные, но

также копившиеся штрафы. Скромный, в общем-то, автомобиль был фактически единственной моей собственностью и одновременно единственной роскошью, с которой я, как ни мучился регулярной необходимостью заливать дорогостоящий бензин, не спешил расставаться.

Вообще говоря, дешевый алкоголь и недешевый бензин — вот те две жидкости, на которых в тот период держался мой хрупкий мир.

Средства, которые я получал с открытой за пару лет до того точки розничной продажи на Кавказе, тоже вдруг прекратили поступать: носителям нашей фамилии отныне было запрещено иметь всякий бизнес в регионе...

Хотя, что я вру — никогда я не имел точек продаж чего бы то ни было и, несмотря на серьезный возраст, жил на родительские деньги и жил, что называется, на широкую ногу, с каждым годом бодро ширя шаг.

Я стал существовать исключительно на литературные и околослитературные доходы, хотя понятия эти вызывают у знающих людей если не смех, то понимающую улыбку. Как бы там ни было, благодаря кое-какому имени, заработанному в предшествовавшие благоприятные для творчества годы, я мог сносно этим именем прокормиться. Прокормиться, да и только.

Мой широкий шаг, доселе регулярно забредавший в лучшие московские кафе и рестораны, стал стремительно укорачиваться, а щедрая душа, привыкшая угощать сотрапезников и собутыльников, резко захворала скупердяйством. Помню свое удивление тому, что угощать меня в ответ на бывшее никто особенно не спешил: парни и девушки привыкли жить в стесненных условиях, в которые я волею судеб попал только теперь.

Постепенно я стал браться за всякую работу, попадавшуюся мне на пути: смены ночного грузчика в супермаркете по соседству, несколько отчаянных вылазок расклейщика объявлений, помощник оператора, актер массовки, охранник зоомагазина. Успел я побывать и в романтической на первый взгляд маске столичного бомбилы.

Неплохой набор для отпрыска известной фамилии, не правда ли?

Всякий раз я быстро осознавал, что тратил слишком много драгоценного времени на этих позициях по поддержке бизнеса средней руки «дядюшек Сэмов», как я их называл, получая при этом мизерную компенсацию.

«О, если бы я находил в себе силы писать все это время, не вставая из-за стола, я бы наверняка уже стал миллионером, — говорил я сам себе и, чтобы дезавуировать коробивший меня пафос первоначальной формулировки, поправлялся: — Ну, если не миллионером, так уж независимым человеком это точно».

Но и в литературном творчестве, деле, которое я, следуя душевным порывам, освоил самостоятельно, я терпел поражение: давно анонсированный роман никак не дописывался, а на жестком диске компьютера продолжали множиться черновики новых повестей и рассказов, ни к одному из которых я не спешил возвращаться.

По всему было похоже, что я не выдерживал известного испытания второй книгой.

При всех сложностях подобной жизни я не забывал играть и свою социальную роль — был осторожен в словах и резок в оценках. Пряча разбитые рабочие руки под столы дорогих ресторанов, пытался решать, казалось, порушенные уже навсегда отцовские дела.

При трудоустройстве же я всегда соблюдал правила приличия: в графе «образование» в соответствующих анкетах всегда писал «среднее», хотя и являлся выпускником одного из самых престижных факультетов МГУ, в графе же «опыт» — ставил прочерк. Как-то, находясь в странном игриво-безразличном состоянии, даже поставил крестик там, где требовался мой автограф.

Я был готов на любую работу, но, к нескрываемой радости работодателей, всегда требовал от вакансии неофициального статуса — я не был готов обременять себя бумажной волокитой, не хотел также, чтобы фамилия моя вдруг всплыла в столь непотребном виде в руках у моих недоброжелателей. Сказки о том, что нет стыдной работы, в наше время не котировались. Я твердо знал, что мои *политические* оппоненты (о да, я имел политических оппонентов, и их голоса, так же как и мой, периодически звучали из динамиков телевизоров и радиоприемников) смогут воспользоваться этой информацией, чтобы если не упрекнуть меня в лицо, так хотя бы потрепать за спиной.

«А знаешь, он, оказывается...» И животных гогот, разливающийся над косматыми головами сидящих. Таких, пусть и сомнительных, но козырей, я в их руки давать не хотел.

До нищенской пенсии, выплачиваемой государством, я дожить тоже не планировал, поэтому неофициальная работа с ненормированным рабочим днем и с начисто отсутствующим социальным пакетом было тем, что мне, в общем-то, и требовалось.

Конечно, уровень моего образования и начитанности не сочетался с тяжелыми трудовыми буднями, после которых ломало спину и сводило мышцы, но и в этом я видел грустную ухмылку судьбы, которая толкала меня на то, на что по собственной воле я вряд ли когда нашел в себе достаточное мужество пойти.

Во времена пусть мнимого, но все же самодовольного всесия я, помнится, мечтал о том, как когда-нибудь сниму с себя дорогостоящую одежду и, взяв хилую полупустую сумку со сменой белья, направлюсь напрямиком в пучину жизни — в народ.

Я слабо себе представлял — как это стать неотъемлемой частью столь близкого мне ментально «народа» — простого люда, но в мыслях моих они находились там, куда можно доехать лишь на верхней полке плацкартного вагона — шаркали дешевыми тапками в покосившихся домах на окраинах вымирающих деревень.

По-своему это было даже забавно — я мог прийти на смену ночного сторожа и небрежно бросить на стол газету со статьей о текущем положении дел в международной политике за моим авторством или, выгружая из очередной грязной «газели» очередной ящик с пивом, услышать по включенному радиоприемнику свой голос — повтор интервью, которое я давал утром того же дня.

Конечно, я не кричал об этом на весь белый свет, не бил себя в грудь и не требовал особого к себе отношения — такое поведение могло лишь озлобить моих напарников по несчастью, но мысленно я, конечно, торжествовал. Наконец я ощутил, что вот он, пульс жизни, бьется во мне самом и вокруг меня.

Особо меня приободряли мысли о том, что я не мог вспомнить никого из великих, кто не хлебнул бы из полной чаши лишений и страданий. Что делало их понастоящему великими, так это непреодолимое стремление к выполнению своего высшего предназначения, к цели всей их жизни. Я продолжал свято верить и в свое предназначение, хотя оно, это предназначение, с каждым прожитым годом становилось все более размытым.

Если же вдруг, подлив обитателям зоомагазина необходимую порцию питьевой воды и улегшись на продавленный диван в подсобке, я вспоминал о том, что англоязычное издание моей дебютной книги уже несколько месяцев стоит на полках крупнейших библиотек и книжных магазинов США и Великобритании, то эта мысль начисто сбивала меня с толку. Перед глазами вспыхивали цветные огоньки и начинали беспорядочно передвигаться во вдруг почерневшем пространстве. Согнувшись вдвое, если не втрое, я глухо хохотал, будто бы актер, слишком усердно играющий свою роль в дешевом трагикомическом фильме.

Наконец на рынке труда начался горячий сезон, и какие-то компании начали откликаться на мое резюме, болтавшееся по Интернету едва ли не полгода. Я ходил на собеседования и с ужасом осматривался в редакциях крупных изданий, выполняя их однотипные тестовые задания... Огромные помещения, заставленные мини-малистической мебелью, на которую водружались новомодные моноблоки. Перед ними — в максимально возможной близости друг от друга — стучали по клавиатурам корреспонденты, редакторы, корректоры, программисты, дизайнеры и еще черт знает кто.

Я живо представлял себе, как на смену всем этим *креативным* личностям придут не менее креативные машины, которые с не меньшим успехом будут заполнять цифровые порталы информацией. Человек со стучащим в грудной клетке сердцем явно выбивался из ряда предметов, заполнивших эти хай-тек-помещения.

Будучи, по-видимому, человеком старомодным в работе, я бежал оттуда сломя голову — в отсутствие личного пространства я попросту не мог сосредоточиться. Работодатели утраивали всякое сомнение — на теплое местечко они давно мысленно определили кого-то из своих сотоварищей. Все оставались в плюсе — они обещали подумать, а я радовался свежему воздуху, в который вырывался, разломал невидимые цепи, едва не сковавшие меня. Обитатели зоомагазина тоже были в плюсе — в срок получали свою ночную порцию жидкости.

Вынужденный тысячи раз мысленно отматывать события своей жизни и в очередной раз затянуть ремень потуже, я сам перезванивал потенциальному работодателю — кажется, был готов на все, лишь бы он избавил меня от тягостного груза безденежья.

Но первоначального моего пренебрежения никто не прощал — холодные голоса на том конце провода всякий раз сообщали, что вакансия уже закрыта. Но конечно же, они будут иметь меня в виду и чуть что сразу позвонят. Ага, как же.

Кроме случайных заработков, которыми я перебивался, я начал распродавать и накопленное за сытые годы имущество. В ход шло все, что могло быть продано: ношенная одежда, неиспользуемая электроника, редкие книги — все это стремительно уходило с интернет-молотка. Сделки проходили гладко — я отдавал вещь, соединявшую меня с прошлым, забирал деньги и мог неплохо отобедать два дня подряд. А потом все повторялось снова.

Порой доходило до комического — кто-то из потенциальных покупателей, вздумавших «пробить» меня по адресу электронной почты, через которую я вел деловую переписку, могли искренне изумиться:

«Да ты, я смотрю, просто революционер, романтик и герой=любовник, судя по внешности! — как-то написала мне девушка, возжелавшая завладеть итальянским ремнем, которым я давно не пользовался и от которого решил избавиться. — Я слежу исключительно за международными новостями и вообще мне плевать на происходящее в России, но ты, я смотрю, номер один в этих делах! И тебе не стыдно ремень продавать?»

Я был голоден в буквальном смысле, и мне было не стыдно. Заступив на очередную низкооплачиваемую смену, я набирал сообщение в телефоне, пытаюсь отшутиться:

«Ремень с автографом будет стоить дороже! Потом твои внуки продадут его и построят дом».

Я куплю его без примерки, — уверяла впечатлительная незнакомка. — У самого... Вот так занесло меня! — и в качестве крайней точки охватившего ее показного воодушевления незнакомка добавила: — О, Аллах!»

Впрочем, ни этот внезапный интерес, ни охватившее ее воодушевление не помешали ей тут же пропасть из моей жизни навсегда.

Дважды я умудрялся попасть в качестве стажера на вновь открывавшиеся интернет-телеканалы.

Из одного меня выдавили спустя несколько дней за излишнюю, на взгляд молодого кривозубого редактора, картавость.

— Понимаешь, Артур, — сказал он, с достоинством сложив руки перед собой, — некоторых дефекты речи украшают, а некоторым, напротив, мешают.

Выждав паузу, чтобы я успел осмыслить сказанное, он подытожил, будто бы сбросив остро наточенный гильотинный нож:

— Ты относишься ко второй категории.

Только ком, разросшийся в горле от столь неожиданной аттестации и вот-вот готовые хлынуть слезы едва ли не детской обиды, не позволили мне еще больше мешать его наплывшие один на другой акульки зубы.

— Ты приходи завтра... Обязательно приходи, — бормотал он мне в спину.

Конечно же, я не пришел на следующий день — все еще движимый по высоким волнам жизни юношеским максимализмом, я моментально возненавидел не только этого человека, но и канал, им возглавляемый. Я мечтал о его полном и безоговорочном крахе — разрушении всех основ его жизни, еще больших проблем в полости рта и, конечно же, импотенции — болезни, которая бы уже наверняка помешала ему занять сколько-нибудь серьезную позицию в жизни.

Едва нахлынувшая ненависть в одну из ночей трансформировалась в нечто невразумительное: вместо вызова на дуэль я зачем-то направил этому негодяю душещипательное письмо, отрывки из которого я не то что не стану приводить, но даже и идею обратиться к нему считаю неуместной.

Конечно же, он мне не ответил.

Копя в себе злость на окружающий мир, я приходил к выводу, что все, кто так или иначе пытался выдавить меня откуда бы то ни было, боялись меня, если не завидовали. Чему завидовали? Завидовали успехам, тому, что «в Интернете я номер один», чувствовали угрозу своей куда менее возвышенной шкуре.

Тем не менее обстоятельства всякий раз складывались так, что все они — завистники и лицемеры — были при делах, а я вместе с тысячей своих талантов за сущие копейки охранял очередное помещение или разгружал очередную «газель» в морозной московской ночи.

Директор другого телеканала вызвал меня сразу же после разразившегося скандала вокруг отца:

— Я получил сведения, — начал он, отпив из высокого стакана в железнодорожном подстаканнике, — что отца твоего разыщут и убьют — это дело решенное.

Я выдохнул.

— Убьют совершенно точно. За ним охотятся — это проверенная информация, я получил ее от хорошего товарища в ФСБ.

— Он уехал — никто его не найдет, — коротко ответил я ему.

— Вот именно, — продолжил он свою мысль, — не найдут его, возьмутся за сына, за тебя — и он придет как миленький, куда скажут, вот увидишь. Так все и будет.

Я поерзал на стуле, думая, как бы скорее покинуть помещение.

— А у нас прямые эфиры, включения с улиц, сам понимаешь, — начал он разъяснять и без того понятное. — Я не хочу, чтобы это было как-то связано с нашим каналом.

— У вас не найдется закурить? — спросил я, расслабленно откинувшись на спинку кресла.

Он выгашил старомодный металлический портсигар, достал оттуда тонкую сигарету и дал мне прикурить. Я затащил пару раз и неспешно выпустил изо рта гус-

тые клубы дыма. Я наблюдал за его удивленным лицом — два маленьких, глубоко посаженных глаза, мелко хлопали над намасленными лепешками щек.

Я нагло ухмыльнулся, он же нетерпеливо застучал сосисками пальцев по столу.

Я неторопливо встал и плавно двинулся к выходу. Уже в коридоре сорвал с шеи пропуск на объект, выданный мне ранее, и бросил его в ближайший угол.

По уже успевшей сложиться традиции я пожал руки двух его телохранителей, дежуривших у входа, и, докурив сигарету и сплюнув сквозь зубы в сторону, пошел прочь. В моей судьбе с грохотом захлопнулась очередная дверь.

Взяв банку прохладного пива в соседней палатке, я прошелся по странному парку, окружавшему ЦДХ. Я шел на звук — кто-то выступал со сцены. Я присел на деревянную лавку в последнем ряду и, сделав добрый глоток, наблюдал за пляшущим на сцене полноватым юношей. Он выглядел счастливым, бряцая на электрогитаре, высоко поднимая пухлую ногу и помахивая своей многослойной челкой. Мне показалось, что я его узнал — он был сыном крупного предпринимателя, и кто-то рассказывал мне, что называется, в порядке бреда, что он, этот парнишка, известный прожигатель жизни.

Я быстро пьянел и со скукой оглядел присутствовавших. Я заметил, что несколько девушек, сидевших в двух, а то и трех рядах от меня, с интересом на меня оборачивались и тихо шептались о чем-то. Мне было все равно. Танцуй, пока молодой, мальчик.

Допив вторую банку пива и с шумом сжав ее в кулак, я бросил ее в стоявшую подле урну и двинулся прочь из парка. Эта странная музыка все затихала за моей спиной, а потом, совсем растворившись в воздухе, сменилась привычным саундтреком моих будней — шумом дорог и металлическим визгом собственных мыслей.

Я брел в никуда. Брел от внезапно настигшей меня усталости, едва переставляя ноги. Брел навстречу своему похищению и последующему убийству моего отца, если верить сказанному.

Я в это не верил и сдаваться не собирался.

* * *

В таком странном состоянии меня и настигло показавшееся спасительным письмо.

Я прочитал его вслух маме, с которой жил и которой отдавал все до последней копейки средства из своих скромных заработков, чтобы назавтра попросить часть из них на текущие расходы.

Полулежа в привычной позе на кожаном кресле в гостиной, она слушала меня с недоверием. Недоверием почти таким же, с каким я читал это письмо.

Полумонгол-полуирландец, прославленный голливудский актер, принявший предложение о постоянной работе в России, искал для себя ассистента.

Ассистент этот, судя по тексту вакансии, должен был быть человеком, готовым работать в «режиме 24/7», способный сопровождать звезду в длительных зарубежных командировках и так далее.

Готовых ко всему необходимому, похоже, было немало — записавшись едва ли не в ту же секунду, я с удивлением узнал, что очередь моя подойдет лишь через два-три дня.

Первый этап собеседования был назначен в лобби одного из фешенебельных столичных отелей. Одевшись в стиле casual (необязательное знание из прошлой жизни) и накинув броский, но все же не вычурный пиджак, в назначенное время я был на месте.

Не отдаваясь на откуп толкавших вперед эмоций, я решил сперва хорошенько

осмотреться. Расположившись с независимым видом в глубоком кожаном кресле, я стал следить за светловолосым парнем лет около двадцати, сидевшим чуть поодаль от меня.

Обрывки его и без того коротких фраз, адресованные несмолкающей (звонки сменялся новым звонком) трубке, говорили о том, что именно он был хедхантером для Стивена Сигала.

Недоверие к окружающим, выработавшееся во мне в связи с настигшей меня в последние месяцы чередой обманов, предательств и, чего скрывать, жизненных поражений, заставило меня тут же усомниться не только в компетенции, но и в полномочиях новоявленного работодателя.

— Да, вы все правильно поняли, я буду ждать вас в лобби... Погодите секундочку, — придерживая мобильный плечом, он сделал несколько резких прикосновений к клавиатуре раскрытого перед ним ноутбука. Фыркнув с нетерпеливым раздражением, он, по-видимому, в тысячный раз повторял свои разъяснения: — Нет, в номера подниматься не потребуется. Самого Стивена сегодня не будет, нет... Когда?! Ну, он по идее должен принять участие во втором туре собеседования.

По идее.

Между тем молодежи в просторное гостиничное лобби все прибывало. Нарядные парни и девушки осматривались в помещении, набирали известный номер телефона, парень, за которым я наблюдал, переключался со звонка на звонок и нетерпеливым жестом приглашал претендентов на завидную должность занимать места вокруг него.

Мне казалось, что я видел этого пацана насквозь — за манерными повадками и гипертрофированно уверенными телодвижениями мой цепкий взгляд ухватывал его простую суть — менеджер средней руки, либо впервые попавший на серьезный заказ, либо, к чему я больше склонялся, обыкновенный мошенник, пытающийся произвести впечатление близости к звезде. Отчего-то я был почти уверен в том, что Сигала этот парень в своей жизни видел приблизительно с такого же расстояния, что и я, — расстояния, отделяющего диван от телевизора.

Однако справедливости ради требовалось проверить мои смутные догадки. Ситуация ухудшалась тем, что в продолжительном трехдневном ожидании собеседования я уже мысленно распределил средства, обещанные успешному кандидату. Деньги дали бы мне независимость, о которой я грезил день и ночь, — я мог бы помогать семье и жить где-то еще, будто герой романа «Фактотум», едва ли не в каждой главе меняющий место своей дислокации.

А еще Стивен — он ведь был хорош сам по себе — мастер восточных единоборств, значит, интересная цельная личность. Я живо представлял себе, как мы со Стивеном, его супругой и кучей гостей будем сидеть на веранде его имения где-нибудь в Санта-Монике, потягивая игристое вино, и в ходе неторопливой беседы он вдруг обронит:

— Знаете, Артур, а вы ведь прекрасный писатель! Я с большим интересом прочел ваше дебютное произведение — оно заслуживает самых высоких похвал.

Гости Стивена затихнут, прислушиваясь к шелесту наших голосов.

— Да что вы, — я смущенно улыбнусь, ведь я никогда, ни словом, ни жестом не давал ему понять об основном, как мне казалось, своем таланте, — не уверен, что стоило тратить на это ваше драгоценное время.

Я был сама учтивость — эдакий идеальный Я, с по-киношному зализанными волосами и одетый в свободного покроя льняной костюм, восседал в нарочито простом плетеном кресле и принимал ухаживания теплого южного ветра.

— Вы очень зря так говорите, дорогой Артур. Я еще больше заужавал вас после прочтения этого текста! Я не хотел вам говорить, но, Боже, я не могу не объявить

об этом сейчас же — я уже обсудил этот вопрос с продюсерами, и мы решили снимать по книге фильм! Дело лишь за вашим согласием...

Мои грезы прервало напоминание, высветившееся на экране завибрировавшего мобильного, — поздней ночью я обещал заступить на двенадцатичасовую смену на соседнем с домом хлебозаводе. Находящиеся в постоянном движении ленты, заполненные нарезными батонами, дешевыми пирожными и вафлями, ждали меня. Первой на это известие отозвалась не по возрасту расшатанная поясица.

— Молодой человек, вы тоже на собеседование? — спросил меня будто бы вдруг материализовавшийся передо мной парнишка-хедхантер. Другие претенденты — симпатичные и не очень парни и девушки — тоже стояли в проходе, окружив его раздутую самодовольную фигуру.

— Да-да, — ответил я, поспешно смахнув с волос калифорнийский песок.

Он сверил мои данные со списком в своем планшете (техникой, следуя тенденциям, он был нагружен что надо) и, что-то в нем пометив, пригласил всех нас проследовать за ним.

Я живо представил себе комнату с профессиональным освещением, старомодную кассетную камеру, установленную на массивный штатив и яркий диван, на который все мы — претенденты и претендентки — могли бы упасть и отдаться сколь естественной, столь и неразборчивой страсти. Думаю, что Сигал, даже бегло просмотрев такое видео, мог бы сделать вывод о том, кто годится на роль его ассистента, а кто нет.

За углом, у журчащего вертикального фонтанчика, сидел еще один человек. Вид он имел средней руки бизнесмена: приличный костюм, благородная седина на висках и спокойный, без лишней суеты голос, задававший заготовленные вопросы: «Вы готовы к ненормированному рабочему дню? А к длительным заграничным командировкам? Как вы оцениваете уровень своего английского? Есть ли у вас постоянные отношения? — и на всякий случай пояснял: — Эта работа несовместима с роскошью иметь постоянные отношения».

Ясное дело, я знал правильные ответы на эти и другие вопросы. Типичное интервью с потенциальным работодателем живо напомнило мне произошедшее незадолго до этого общение с психиатром, выдававшим справки, необходимые для получения лицензии на приобретение огнестрельного оружия.

— Зачем вам оружие? — вопрошал он, слегка оплывший жиром человек лет около тридцати, закинув руки за голову. — Вы, должно быть, хотите на кого-то напасть? Убить кого-то собираетесь?

— Нет, — потупив взор, спокойно отвечал я, — я бы хотел использовать оружие для самозащиты.

— От кого вы собираетесь себя защищать? Вам кто-то угрожает?

— Сложно сейчас сказать, но люди ведь разные бывают, и время такое — полиция не работает, Отечество в упадке.

Я расположил его к себе — сердце бюджетника, получающего сущие копейки за полный рабочий день, не может не откликнуться на, возможно, слишком пафосное, но все же выверенное «Отечество в упадке».

— Все так, — согласился он задумчиво, но продолжал выполнять свои служебные обязанности — Вы, дорогой Артур, ведь наверняка, будучи человеком восточным, являетесь натурой вспыльчивой?! Вспыльчивой и неспособной, хорошо, не всегда способной контролировать свои эмоции?

— Ну что вы, конечно, нет, — без особого надрыва переубеждал я его. — Я очень спокойный человек. Сам, что называется, и мухи не обижу.

Я знал, что имею право опротестовать любое принятое им решение, и поэтому вел себя довольно расслабленно.

— А вредные привычки у вас есть? Пьете, курите? — не унимался он.

— Нет, что вы, как вы могли обо мне такое подумать — я отнюдь не идеален, но перечисленных вредных привычек не имею.

— Как, совсем не пьете? — с недоверием переспросил он, бросив взгляд на мешки под моими глазами.

— Нет, у нас не принято, — расплывчато ответил я, мечтая, чтобы у него не оказалось под рукой алкотестера: я выпил по дороге к нему.

— Ну, а как же вы расслабляетесь? — кажется, он понял мою стратегию и каждый последующий вопрос задавал со все более ширившейся улыбкой.

— Ну, как-как — музыку слушаю, с друзьями в кафе хожу...

Справку я, конечно же, получил. Примерно так же я прошел и первый этап этого собеседования. Главное в таких делах — не стремиться к максимальной честности, а, чувствуя интонации и улавливая вибрации нужного тебе человека, давать единственно верные, ожидаемые им ответы.

— Спасибо, мы с вами свяжемся, — сказал мой собеседник у журчащего фонтана, чуть приподнявшись, показывая тем самым, что встреча наша окончена.

— Точно свяжетесь? — зачем-то переспросил я, не желая расставаться с идеей мгновенного разрешения всех моих проблем. — В какие сроки можно ожидать вашего звонка? — допустил я распространенную ошибку кандидата.

— О сроках говорить пока рано, многое зависит от графика Стивена, но мы вас известим, — ответил он с едва скрываемым раздражением.

«Ага, — думал я, — найдете здесь сотню-другую самонадеянных дур и дураков, способных выложить вам по тысяче две долларов за что-нибудь, связанное с последующим трудоустройством, и дело в шляпе. Встречи в лобби многочисленных отелей ведь ни к чему не обязывают».

* * *

Звонка я от них так и не дождался. Впрочем, довольно быстро я смог убедить себя и окружающий мир в том, что я прирожденный копирайтер, и устроился в офис одного из многочисленных рекламных агентств.

Наконец мечта моей мамы о том, чтобы я уходил утром и приходил вечером, начинала сбываться. Одевшись потеплее, я выходил в темное московское утро и, проделав полуторачасовой путь в переполненном общественном транспорте, занимал свое место в душном офисе.

Я ежедневно писал десятки безликих текстов о чем угодно — начиная от истории бодибилдинга и заканчивая полезными качествами свежавыжатого сока — и в конце месяца получал свой кусок хлеба. Я уходил рано и приходил поздно — вся моя жизнь была посвящена этому мутному бизнесу очередного «дядюшки Сэма». Я чувствовал, что долго там не продержусь.

Я был несчастлив. Это могло выглядеть как сбыча чьих угодно мечт, но точно не моих. Впрочем, это уже совсем другая история.

Ассистентом Стивена Сигала я так и не стал.